

Серебристое облако

Юрий Енцов

16+

A silhouette of a person standing on a dark horizon, looking up at a starry night sky with the Milky Way visible. The person is positioned in the lower right corner of the image.

Юрий Енцов

Серебристое облако

«Автор»

2018

Енцов Ю. П.

Серебристое облако / Ю. П. Енцов — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11217-9

Действие начинается в 60-е годы XX века. С мальчиком, живущим в русской глубинке, происходят странные события. Он обнаруживает - не сразу, постепенно понимая и осознавая - некое невидимое прочими явление. Став подростком, он начинает его исследовать. У него возникают странные видения. Они пугают. Но загадочное нечто – может переносить его в разные места, им нужно управлять. Постепенно у Георгия происходит отчуждение от реального мира и возникает стремление быть сначала рядом с облаком, а потом – в облаке. Начинается путешествие по жизни человека, обнаружившего нечто необычное.

ISBN 978-5-532-11217-9

© Енцов Ю. П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Ночная лыжня	5
Глава 2. На оврагах	11
Глава 3. Начало	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Ночная лыжня

Скользить, отталкиваясь палками, по знакомой лыжне в вечернем сумраке, было легко и приятно. Как ни странно, даже удобнее, чем днем, когда он бежал здесь же, солнце светило в глаза, они слезились, и Горка отчего-то быстро уставал, часто останавливался передохнуть.

Юноша добежал до того места, где в речку впадал невидимый под снегом ручей. Постоял, немного подумал, повертел головой, крикнул пару раз:

– Генька!

Все тихо, никакого ответа. Он повернул налево к пруду. Там, под редкими соснами он вскоре наткнулся на валяющиеся окровавленные собачьи лапы. Снег вокруг был утоптан – следы волчьего пиршества. Георгию стало тревожно, но он пошел дальше – иногда, очень редко мальчишки добирались и сюда – скатываться на лед с крутого берега. Однако сейчас вокруг было совершенно пусто.

Горке вдруг вспомнилось – ему рассказывали, как в этом пруду утопилась из-за неразделенной любви какая-то девушка – конечно теплым летом, а не зимой. Она привязала к шее катушку с нитками, чтобы ее тело смогли найти, оставила записку и прыгнула с крутого берега.

Он поехал, отталкиваясь палками, в сторону небольшого леса, скорее даже рощи. Туда мальчишки зимой практически никогда не забирались, хотя сам Георгий бывал тут часто и зимой, и летом, ему нравилось это место. Он съехал в низинку и стал подниматься елочкой вверх, расставив лыжи, под углом в сорок пять градусов...

Днем, пока было светло, после школы, Горка, как обычно, уже сгонял на лыжах на овраги. Когда он вернулся, солнце скрылось, зимой темнеет рано.

– А где Генька? – спросила у него мама, которая в этот раз работала в первую смену и вечером была дома.

Младший братик припозднился. Он с приятелями тоже пошел на овраги – кататься на санках, но Горка его там не видел. Они подождали еще, время подходило к половине девятого вечера. Мама попросила своего старшего сына:

– Сходи за ним.

Горка опять оделся, обулся, ботинки еще не просохли после дневного катания, встал на лыжи и в одиночку покатил назад к оврагам. Отец домой еще не вернулся, он дежурил на работе. Снега в этом году намело много, лыжня была хорошая, плотная. Когда подросток приехал к краю лощины, она вся, освещенная полной луной, предстала перед ним как на ладони: пусто, безлюдно, никакой малышни, и вообще никого внизу. Только лунный свет.

Он легко съехал по склону, перешел по деревянному мосточку, по которому проходил много раз. Затем он покатил вдоль невидимой, спрятавшейся под снегом речки, такой знакомой во всех обличьях. Георгий надеялся где-то увидеть братика с его друзьями, они могли выбрать любое место для катанья на санках...

Выбравшись из низинки, Горка, запыхавшись, остановился. Он стал в полутьме, рассеиваемой только звездами и снегом, оглядываться по сторонам и справа сверху различил в высоких кустах какие-то светлые силуэты. Он внимательно присмотрелся и увидел, отчетливо различил в лунном свете двух огромных лосей. Посмотрев на них, он непроизвольно ухнул и махнул палкой. Лоси беззвучно, словно призраки побежали, поплыли прочь.

Георгий понял, что совершенно напрасно пришел сюда так далеко от дома. Скорее всего, они с маленьким братом разминутись, и тот уже дома? Он повернул назад и заскользил по морозной лыжне в обратную сторону. Ему стало жутковато. Захотелось отвлечься, подумать о чем-то другом, повспоминать...

Совсем недавно он понял, что кататься зимой на санках с заснеженных склонов оврагов ему стало неудобно. Санки сделались вдруг такие маленькие, а он сам оказался почему-то большой. На колхозном рынке продавались сани покрупнее, деревянные. Не такие, в которые запрягали лошадей, поменьше, но очень похожие. У его друга Шурика такие уже имелись. Но другие пацаны – катались на санках все меньше, им это перестало нравиться.

А Георгий по-прежнему очень любил кататься с гор, поэтому он начал присматриваться к лыжам. В школе у них был урок физкультуры и зимой они занимались на лыжах, сначала с мягкими, а потом с полужесткими креплениями. У него были дома лыжи с мягкими пристежками, но он быстро смекнул, что полужесткие – лучше.

Вообще уроки физкультуры – удовольствие ниже среднего. Нужно толкаться в очереди за лыжами, по команде их надевать, организованно двигаться в нужную сторону. Но, тем не менее, физкультура, или физра – ему была скорее по душе. Нравилось скользить по лыжне, а уж съезжать со склона быстрее ветра – это самый настоящий полет, хотя и невысокий...

Мальчик опять прошел на лыжах мимо пруда, мимо освещенных Луной сосен, мимо места волчьего пиршества. Впереди расстился пологий в этом месте овраг, слава – темнели ивы, под которыми они с друзьями однажды сидели целой компанией и нашли что-то похожее на череп.

Он оттолкнулся палками и покатился прямо, а не направо на старую лыжню, так получалось быстрее добраться до дома по полю. Когда он оказался на самом дне оврага, Георгий остановился, осмотрелся – было страшновато из-за находки недоеденной волками собачей лапы. Вдалеке слева виднелся лес – узкий язык большого бора, вытянувшийся вдоль речки и ложбины. В той же стороне, не доходя до опушки этого леса, стояли кружком старые ивы. Взглянув еще раз туда, Георгий, присмотревшись, увидел, что над ивами в небе – висит нечто наподобие смутного сизого облака.

Ему стало любопытно – что же это такое? Он пошел дальше по снежной целине, время от времени посматривая на опушку леса вдаль – он опасался, что увидит бегущих оттуда в его сторону волков. Но вокруг было пусто, а большая, яркая Луна освещала окрестности. Над ивами висело что-то вроде блеклого, практически невидимого, облачка, о котором можно было только догадаться. Точнее, там не было ничего, небо казалось совершенно таким же зимним, ночным, темно-синим, как везде. Но там, над ивами, вроде как чего-то не хватало. Он не понимал толком: чего именно? В этот момент Горка сам себе напомнил героя какой-то чудной книжки.

С самого раннего детства они с мальчишками раз в неделю ходили в детскую библиотеку. Иногда Горка отправлялся туда один, мальчишки читали книги подолгу, ему же недели вполне хватало. Самое любимое и интересное чтение оказалось «Жюль Верн». Книги с этими двумя волшебными словами на обложке библиотекаряша ему сначала выдавать не хотела, мол, не дорос, у него даже слезы выступили на глазах, но потом все же выдала. По пути в библиотеку они заходили, как на экскурсию, в небольшой магазин «Спорттовары», совмещенный с «Культтоварами». Там на витринах имелось столько всего интересного, но самое главное – красовался под толстым стеклом стартовый пистолет с медными пистонами в обойме. Мальчишки шепотом делились мечтами: «Грохнуть это стекло и убежать с этим пестиком!»

В основном заход в магазин – являлся промежуточной остановкой на пути в библиотеку. Но воздушные шары, подводные лодки существовали только в книгах. В жизни ничего этого не существовало. Не было даже нормальных лыж. Однажды зимой он пошел в магазин «Спорттовары» целенаправленно, на этот раз не «на экскурсию» и не по пути. Там на витрине под толстым стеклом лежали два вида лыжных креплений. В том числе жесткие. Но лыжные ботинки для них, оказались страшно дорогими! Когда он сообщил цену маме, она нахмурилась. Но крепления Горка все-таки купил. Жесткие.

Завозили в спорттовары и лыжи, на которые приходилось только любоваться, как и на стартовый пистолет. И вот в один прекрасный день папка принес откуда-то лыжи – достал по знакомству, для них и предназначались купленные крепления.

Были у Горки и коньки, также привезенные папкой, их даже сменилось несколько. Сначала – двойные коньки, потом снегурки и вот, наконец, появились «канады» или «дутые». Но – без ботинок. Папка взял молоток, гвозди и приколотил коньки к своим старым полуботинкам. Горка с его помощью надел коньки, попробовал на них покататься, но – ничего не вышло. Как ни помогал ему папка, как ни волновался, ничего не получалось – ноги сгибались в щиколотках. Некоторое время спустя Горка самостоятельно клещами отодрал коньки от ботинок, взял веревки и с помощью Шурика привязал коньки к валенкам. И все пошло как по маслу – получилось. Высокие голенища валенок помогали ногам стоять прямо, не сгибаясь в щиколотках.

Вот и с лыжами Георгий решил исхитриться. Он привинтил к принесенным папкой лыжам жесткие крепления, недорогие сами по себе, достал с антресолей старые-престарые папкины ботинки, которыми тот уже не пользовался, и – приспособил их в виде лыжных. Мама, увидев все это, была недовольна – обувь испортил, но не ругалась. Она вообще была неругливая, добрая душа, могла строго посмотреть, и этого Горке хватало.

– Сегодня были похороны, – сообщил он маме, вспомнив, что, когда шел из магазина домой, в одном месте были набросаны еловые ветки.

– А ты разве не знаешь? – удивилась мать. – Ирочка умерла.

Ирка исчезла некоторое время назад, не появлялась на занятиях в школе. Говорили, что она заболела.

Горку эта новость никак не коснулась, что такое «умерла» – он не очень понимал. Умерла – значило для него: ушла куда-то. То есть он знал про жизнь и смерть, бывал на кладбище с родителями, но не очень вникал, что означают эти кресты, памятники и холмики. Представить себе, что там внизу глубоко под крестами лежали покойники, было трудно. Кладбище являлось просто местом весеннего сбора народа, зимой туда никто не заходил.

Они туда ходили всей семьей – на могилку к старшему брату Сашеньке. Горка его почти не помнил – смутный образ печального ребенка, которого кто-то, на самом деле он сам, настырный маленький «червяк», зачем-то толкает и пихает.

Он стал, на этих импровизированных лыжах с ботинками, скользить по укатанным колеям и кататься с гор. Постепенно прикупил специальные мази, с ними кататься стало еще интереснее. Однажды он на урок физкультуры пришел со своими собственными лыжами. Его идея с простыми ботинками, прикрепленными на лыжи, с помощью жестких креплений, пацанам понравилась...

Георгий немного замерз, и, отбросив воспоминания, поднял взгляд от своих «лыжных» ботинок и стал забираться по склону оврага, чтобы, сократив путь, добраться до дома по полю. Забирался он на этот раз боком, лесенкой и все время смотрел то на лес, то на небо над ивами. И вдруг до него дошло, чего не хватало небу над ивами – там не хватало звезд, ярко сиявших повсюду от одного края небосклона до другого.

Он даже остановился от этого неожиданного открытия. Ему вспомнились слова Иры про ведьму, которая вроде бы повесилась на одной из этих ив. Поворачиваться спиной к этому месту совсем не хотелось.

Однако вечер был хороший, морозный, спокойный. Никаких волков, вроде бы, поблизости не было. А если они появятся, можно добежать до стоящих кружком ив и попробовать забраться на одну из них. Съехать туда легко. Можно съехать, правда, потом придется уходить оттуда, повернувшись спиной, и сделать это опять будет жутко.

«Не нужно этого делать, пустая трата времени», – подумал Георгий. В его жизни случилось много разных страхов, и обоснованных, и не очень. Однажды он смотрел фильм, в котором мужественный человек, летчик и пловец говорил своему маленькому сыну: «Никогда и

ничего не бойся, когда ты один». А Георгий как раз был один. Значит, бояться – смех, да и только? Он оттолкнулся палками и поехал по диагонали склона прямо к ивам.

Он скатился и еще метров двести шел к деревьям, глядя на небо над ними. Там явно висело что-то вроде смутного облачка. Звезд над ивами он не различал, но одни из них начинали мерцать, а другие пропадали по мере того, как менялся угол наблюдения. Он подошел в центр невидимого облака, который находился примерно в том месте, где глубоко под снегом, в земле лежал человеческий череп.

Под ивами пусто. То, что над ними – не поддавалось пониманию. Просто небо, темно-синее, глубокое небо без звезд. Георгий потоптавшись, развернулся и направился прочь. Но тут он увидел невдалеке, слева, по направлению к лесу какой-то предмет – то ли занесенный снегом куст, то ли еще что-то. Он присмотрелся. Этот предмет оказался похож на сидящего ребенка, мальчика лет девяти, десяти.

«Может, это Генька?» – подумал Георгий и шагнул в ту сторону. Он вдруг очень озяб, хотя оделся тепло, натянул на себя две пары штанов, два свитера и еще безрукавка на вате, на голове – черная меховая кроличья шапка, на руках – две пары перчаток. Горка приблизился еще немного и понял, что это действительно мальчик, но явно не его братик. Он был по-другому одет и, точно, постарше. Пацан сидел на снежной кочке, съжившись и спрятав руки в кармашки куцевого пальтишка.

Георгий смотрел вперед, не мигая. Сидящий мальчик, словно почувствовал его взгляд. Он поднял опущенную голову и тоже посмотрел на Горку. В лунном свете его бледное лицо казалось печальным. Он узнал Толика.

«Чего он сидит, он же замерзнет так», – подумал Георгий. Ему захотелось сказать, чтобы Толик немедленно встал и шел домой. Он хотел крикнуть ему: «Вставай, пойдем!», но горло перехватило. Он сглотнул, набрал воздуха в грудь для крика, но тут ему самому кто-то сзади отчетливо произнес:

«Не говори с ним!» – Горка тут же узнал этот решительный девичий голосок, это Ирка говорила словно бы из-за его плеча. Он машинально оглянулся назад, но нигде никого не увидел. Повертев головой туда-сюда, он снова посмотрел на то место, где увидел сидящего пацана, но там – тоже никого и вообще ничего, кроме заснеженного поля, не просматривалось. Пусто.

Георгий быстро развернулся и пошел прочь. Он ощутил страшный холод, весь заледенев, словно бы простоял под ивами несколько часов. Со стороны леса раздался далекий вой, то ли собачий, то ли волчий. Горка быстро забрался на гору и, едва отдышавшись, пошел снежной целиной по направлению к дому. Через некоторое время, когда он совсем выбился из сил, показались крыши домов. Потом он вышел на утрамбованную колесами машин снежную дорогу, и катиться стало гораздо легче и спокойнее.

Увидев светящиеся окна своей квартиры, он почти обрадовался, но тут же вспомнил про братика – его он так и не нашел. Однако младший брат оказался уже дома. Георгий, войдя и поставив лыжи в угол, за занавеску немного поворчал на него:

– Где ты гулял, я тебя обыскался!

Вся семья была в сборе. Мама развеселилась, увидев Георгия, налила ему горячего супа. Есть он не очень хотел, но сел к столу и опустошил тарелку. Потом они с братом улеглись спать, брат – на диванчик, а Горка – на свою кровать, мама с папой остались сидеть на кухне.

Полежав немного и уже засыпая, в какой-то момент Георгий вдруг испугался. Не то чтобы он вспомнил события минувшего вечера. Он у себя дома, тут же родители, брат. Дело совсем в другом. У него возникло странное, никогда не переживаемое прежде, ощущение. Ему показалось, что его тело, которое лежало в постели под одеялом, стало немного чужим. Сердце его билось, как обычно, ровно и спокойно, он чувствовал себя вполне комфортно и удобно. У него ровным счетом ничего не болело. Просто Горке показалось, что между разумом и телом

– возник тонюсенький, но явный и ощутимый зазор. И это отчего-то очень пугало. Он не знал, на что жаловаться и просто встал и пошел к родителям в кухню и признался, что ему страшно.

– Ну, понятно, по оврагам ночью побегал, – сказал отец. Мама потрогала его лоб сначала рукой, потом губами.

– Я видел место, где волки собаку разорвали, – сообщил Георгий. На самом деле его не очень волновала судьба собачки, но приходилось что-то говорить. Родители ничего не ответили, ему показалось, что они не верят ему, или заняты своим разговором, а он им помешал.

– А что это за место в овраге, где ивы растут? – спросил Горка. Голос у него звучал как обычно, но при этом казался словно не его голосом. Ему хотелось кричать и плакать. Но есть ли смысл, если даже не можешь объяснить, в чем причина, на что жалуешься?

– Там когда-то находилась мельница. Давно, до революции, – объяснил отец.

Что такое мельница, Горка знал. И в школе они это изучали на уроке физики, и папка рассказывал ему, как раньше, в старину, возили зерно на мельницу, мололи, получалась мука.

Не склонный представлять жизнь в мрачном свете, Горка просто посидел немного с родителями, и, отвлекшись, успокоился, как будто ничего не произошло. И странное ощущение прошло так же неожиданно, как и появилось. Он опять стал самим собой и пошел спать. Георгий улегся в кровать, и почувствовал счастье. Его никто и ничто не донимало, и он мог просто спокойно дышать, ни о чем не думая.

На другой день Горка отправился в школу. Он, как старшеклассник, учился во вторую смену, брат ходил в первую. Уже строился новый корпус школы, пока не до конца доделанный: ни окон, ни дверей, одни проемы. Горка зашел в школу и столкнулся с одноклассником, рыжим Сашкой.

– О, привет, – сказал Сашка и удивленно спросил: – Ты здесь?

– А где я должен быть? – не понял Горка.

– Я тебя только что видел на той стороне улицы, – пояснил Сашка. – Вот только что. Ты перелетел сюда, или как?

– Наверное, кто-то на меня похожий, – предположил Горка, хотя догадка была даже для него самого неубедительной. С одной стороны, все пацаны похожи, примерно одинаково одеваются, большинство русоволосые, но с другой перепутать кого-то с кем-то трудно, когда живешь в маленьком городе.

– Ты шел к своему дому, – продолжал Сашка. – Я еще удивился чего ты туда идешь, а не в школу.

– А во что я был одет? – спросил Горка.

– Вот точно так же, в этой же самой одежде, – ответил Сашка, осматривая его.

А вещи на нем были такие: черная куртка с каракулевым воротником, которую ему пошили в местном ателье и черная кроличья шапка, в которой он вчера вечером ходил на лыжах искать брата. Горка подумал, что Сашка его разыгрывает и не преминул ему об этом сообщить:

– Шутишь?

– Нет. Правда, нет! – заверил Сашка.

Но он улыбался, и Горка, несмотря на то, что Сашка сообщил эту новость о горкином раздвоении всему классу, решил, что он врет. Сашка был фантазер. Он, так же как Горка, любил читать и даже давал ему на пару дней дефицитную книжку «Шерлок Холмс», которой не числилось в библиотеке, а Сашка где-то ее раздобыл. Не то чтобы он жил в мире фантазий, он был очень деловой и практичный мальчишка, но разыграть кого-нибудь любил.

Потом начались уроки, шумные перемены, организованный поход колонной в столовку во время «продленки» и все постепенно забылось...

Мало-помалу отстроили новый корпус школы. На улице, где они с мальчишками когда-то играли в пыли, проложили асфальт. Но тут однажды оказалось, что ходить по этому новому

асфальту из дома в школу и назад через небольшой перекресток Горке больше не понадобится – весной начались выпускные экзамены после восьмого класса. Девчонки волновались, мальчишки были спокойны. Горка тоже. Он не понимал, почему нужно тревожиться, последний случай, когда кого-то оставляли на второй год произошел уже очень давно, лет восемь тому как.

Глава 2. На оврагах

И история эта началась тоже примерно лет восемь назад....

– Здравсьте, а Горка дома?

Услышав это, он, тогда русоволосый, короткостриженный мальчик оторвался от рисования и вышел в темную прихожую, мимо матери, которая, отворив дверь, тут же вернулась на кухню. Она в тот раз работала во вторую смену в местном цехе швейной фабрики, и дома была с утра, готовила обед.

Стоявший под дверью семилетний пацан, Шурик, держал на голове наподобие шляпы или капюшона большую квадратную корзину:

– Пойдешь рыбу ловить? – спросил он.

Это он, Шурик придумал Георгию такое прозвище, а следом за ним и другие, все остальные стали его так называть. Произошло это очень-очень давно, когда они только познакомились, после того как горкина семья переехала сюда на улицу Ломоносова с Пролетарской, что на другом конце города.

– Сейчас, только мамке скажу, – ответил мальчик. Он заскочил в квартиру, сунул ноги в сандалии:

– Мам, я на овраги с пацанами.

– В воду не лезь, – сказала мать. – Курточку надень. И поскорей возвращайся, надо будет вечером огород полить.

– Ладно, – сказал мальчик, одновременно надевая курточку, выходя и прикрывая дверь. В три прыжка он пересек знакомый коридорчик, с двумя ступеньками, ведущими в их квартиру. На скамейке перед подъездом сидел другой мальчик из их компании, Миха, который спросил:

– Ты чо такой синий?

Горка глянул на себя. Он, оказывается, был в синем вельветовом костюмчике: курточке и вельветовых же коротких штанишках, поверх синих колготок. Он не нашелся что ответить, готовый провалиться сквозь землю. Пацаны были одеты нормально – в длинных сатиновых шароварах и клетчатых рубашках, а его мама обрядила как на праздник.

– Ну, чо, пошли? – предложил Шурик.

Они побежали налево, мимо двухэтажного дома из белого и красного кирпича, в одной из квартир которого, на первом этаже Горка жил с мамой, папой и братиком. Он бежал за мальчишками легко, чуть подпрыгивая. Прямо за углом начиналось поле. В этом году его засадили картошкой, которая уже изрядно подросла и доходила детям до пояса.

Перед полем располагалось место для мальчишеских игр, покрытое мягкой, плотной, привычной ко всему травой. Там двое: Колька и Сергей, или попросту Серый – играли в ножики на тропинке. Серый выигрывал.

– Пошли с нами на речку, – пригласил их Миша.

– Я не пойду, мне мамка не велела, – ответил черненький, смуглый Колька, почтенный сын почтенных родителей. Он только недавно перестал просить мамину титю. Любвеобильная мать – кормила его грудью лет примерно до пяти, к удивлению соседок, их мужей, детей и всего городка.

– Давайте лучше в ножики, – предложил Серый. Это показалось заманчиво – поиграть его красивым, раскладным ножиком. Шурик сразу положил корзину на землю. Круг расчертили на пять частей и стали играть: берешь ножик за лезвие и бросаешь в чужой участок, если нож, крутанувшись, воткнется, то отрезаешь себе любой кусок земли соперника по линии лезвия...

– Все, Горка вылетел! – вскоре объявил Шурик, когда горкина нога в сером сандалике не смогла уместиться на его земле, отрезанной удачными бросками ножа. Потом остался без земли маменькин сынок Колька. Шурик, очень недовольный, тем не менее, вылетел третьим. Миха и Серый долго делили земли друг друга. Горка болел за Мihu, но в результате победил Сергей.

– Пошли? – предложил Шурик, беря корзину. – Вы с нами?

Два соседа, жившие в частных домах рядом друг с другом, через переулок – отказались, а троица – зашагала по дороге дальше мимо картофельного поля. Внезапно Горке пришла в голову интересная мысль. Он отбежал вперед и спрятался в высоченной темно-зеленой картофельной ботве. Мишка тоже нырнул вслед за ним в картофельные кусты. Шурик посмотрел на них, но не последовал их примеру, а взял комочек земли и бросил в них наугад.

– Пуляется, – недовольно прошептал Миха. Он пополз по канавке между кустами. Горка – пополз по другой борозде. Ползти среди картофельных кустов оказалось интересно, его охватил восторг игры. Шурик – швырял в них комочками земли.

– А ну вылазь, – крикнул он. – Картошка колхозная, нельзя ботву мять.

– Мы же не мнем, – возразил Горка, поднимаясь в полный рост. Весь его синий костюмчик и колготки оказались в серой сухой пыли. Он отряхнулся быстрыми, неловкими движениями.

– На, неси корзину, – приказал Шурик.

Горка дисциплинировано повесил квадратную корзину себе на голову и зашагал вперед. Показались овраги. Там, в конце поля, гуляла еще одна ватага пацанов. Горка почти никого из них не знал, кроме Толика. Он немного насторожился, но незнакомые мальчишки были настроены дружелюбно.

– Пошли с нами в войну играть, – предложил Толик, один из самых рослых. Он учился уже в третьем классе, в то время как трем подошедшим мальчикам только предстояло этой осенью идти в первый.

– Пестиков нет, – возразил Миха.

– Ни у кого нет, – пояснил Толик, и показал на корзину. – У вас вон танк будет.

Они долго решали, кто будет «немцем», а кто «русским», разрабатывали, уточняли правила. Потом разбежались по заросшим мелкой-премелкой, густой-прегустой травой неглубоким овражкам, и стали перестреливаться: «Тыш, тыш, убитый!», «Я не убитый, ты не попал, я только раненый!». Шурик палил из «танка»: «Бу-ум!»

Горка вспомнил, что можно стрелять с помощью головок подорожника, зацепив их петель, сделанной из ножки этого странного, мальчишеского цветка. Идея всем понравилась и накал игры возрос.

Мимо Горки не спеша пролетела бабочка крапивница. Он показал на нее:

– Это немецкий самолет!

Но вот «танкист» Шурик вспомнил, за чем они шли и для чего несли корзину:

– На речку-то пошли, – сказал он.

Дружки посмотрели вниз, там метрах в трехстах на дне ступенчатого пологого оврага петляла речка.

– Можно в корзине съехать, – придумал Горка.

– Точняк, – сказал Миха.

– Сломается, – возразил Шурик. Но он все-таки забрался в корзину и попытался поехать вниз точно так же, как они катались здесь зимой на санках. Однако катилась корзина медленно, точнее вовсе не катилась. Миха и Горка поехали «на жопах», у них получилось быстрее.

Толик увязался за ними. Остальные ребята не пошли вниз, остались наверху. Друзья в два этапа съехали по склону оврага. А когда подходили к мостику через речку, текущую по

самому дну, заметили двух девочек, шедших по тропинке. Поравнявшись с ними, девочки остановились и поздоровались:

– Это Натаха, – сказал Миха равнодушно, – мы с ней в музыкалке вместе учимся.

Наташа улыбнулась и покачала бидоном, который она держала в руке. Георгию девочки показались невероятно красивыми. Они были в коротких платьях, одна светленькая, другая, Наташа черненькая.

– Это Ира, – сказала Наташа, представляя мальчишеской компании свою светловолосую подружку, – мы в коллективный, за ягодами.

«Коллективный сад» располагался на противоположной стороне оврага. Родителям Горки участка в «коллективном» не досталось, он очень завидовал тем ребятам, которые туда имели право ходить – детям рабочих и служащих с заводов «Проммеханизации», «Автомонтного», со «Спиртзавода», и «Сельхозтехники».

Ира, дочь пролетариев, была не робкого десятка:

– Привет, пацаны, – сказала она, и пнула корзину, – чо это у вас?

– Рыбу ловить, – пояснил Шурик.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовалась Ира.

– Вон там хорошее место, – предположил Миха. Все пошли туда, куда он показал.

– А во что вы рыбу будете складывать? – спросила Ира.

И в самом деле, корзину взяли, а куда рыбу класть – никто не подумал.

– В ваш бидон, – предложил Толик, самый старший и умный.

– Самим нужен, – возразила Ира, широко улыбнувшись и, глянув на него глазами, сверкнувшими на солнце, примерно так, как искрилась журчащая речка.

Шурик снял сандалии, засунул туда носочки и с важным видом спустился в речку-ручей глубиной в этом месте по щиколотку, в три-четыре детских шага шириной. В некоторых местах речушка была пошире и поглубже. Он закатал до колена некогда черные и уже посеревшие ситцевые шаровары и ступил глубже в холодную воду. Девочки присели на корточки и стали смотреть на манипуляции Шурика. Он принялся погружать корзину боком в глубину, та не хотела погружаться.

– Лягушек можно поймать, – предположила Ира.

Миха, разувшись, пошел помогать Шурику, вдвоем они затопили корзину. Когда ее через некоторое время вытащили, там ничего не оказалось.

– Рыба не дура, – сказал Толик, – она в корзину не пойдет, надо ногами шуровать вокруг, чтобы рыбка в корзину заскакивала.

Шурик все-таки замочил закатанные штаны, но снимать их не стал, только закатал еще повыше. Хотя ему и помогли Толик и Миха, но ни одной рыбки, даже самой маленькой, поймать не удалось. Ира огляделась по сторонам и увидела хорошее место в шагах пятидесяти, где речка разливалась небольшой заводью:

– Вон туда надо пойти, там течения нет, – показала она. – Там может быть рыба.

– Точно! – подтвердил Толик.

– Откуда ты все знаешь? – тихо спросил Иру Горка, и сам удивился, что он это сделал.

– У меня папка и брат рыбачат, – с важным видом пояснила Ира. Мимо них пролетели, гоняясь друг за дружкой, две больших стрекозы.

– Может, пойдем в «коллективный»? – предложила ей Наташа, которой стало скучно.

– Тут же рядом, – возразила Ира, – в гору подняться, и все. Давай посмотрим, что они поймают.

Тогда Наташа повернула голову в сторону Георгия и спросила:

– Как тебя зовут?

– Горка, – ответил он.

– Это значит Егор, – сказала Наташа.

– Я не Егор, – поправил Горка.

– Ну как же не Егор, если ты Егорка? – не унималась Наташа.

– Он Георгий, – пояснил Шурик.

– Когда ты вырастешь, тебя будут называть Георгием, а меня Натальей, – пояснила девочка.

– А меня Александром, – сказал Шурик. Для Горки это было настоящее открытие. Оказывается Шурик – это Александр!

– А сколько тебе лет? – спросила его Наташа.

– Скоро исполнится семь, – ответил он.

– А мне уже исполнилось, – с гордостью сообщила Наташа.

– Моей сестре семь, – сообщил Толик. – А другой сестре – 18!

«Везет же людям, – подумал Горка, – у других есть сестры». И у Миши, и у Шурика имелось по сестре. Только у него сестры не было, был какой-то маленький братик, на целую неделю отдаваемый в круглосуточные ясли. А ему очень нравились девочки, они были такие милые, а играть приходилось с этими пацанами. Но вот беда, он очень легко находил общие темы для разговора с мальчишками, мог разговаривать сразу с несколькими, легко менял тему разговора, перескакивая с одного на другое, любил передразнивать тех, о ком рассказывают. В общем, был как рыба в воде, но – только с мальчишками. Девчонки – другое дело, с ними он терялся.

Вся компания направилась в другое место, выше по течению и повторила операцию. Там было глубоко, илисто, но вода казалась потеплее, о чем Толик и сообщил. Ира тоже захотела поучаствовать в ловле. Она сняла сандалии, белые гольфы и спустилась к рыбакам:

– Вон туда. К траве, – деловито распорядилась она.

– Там глыбко! – возразил Шурик.

Ира, более длинноногая, чем он, в платице, едва прикрывавшем белые трусики, подошла к корзине и стала ее тянуть в глубокое место. Тут Миша, из чувства противоречия или из озорства, дернул корзину. Он был довольно плотный, сильный мальчуган, Ира от его толчка поскользнулась в иле и ушла под воду с головой. Она тут же бросила корзину, и, отплевываясь, выбралась из воды.

– Дурак! – закричала она.

– Я при чем? – оправдывался Миша.

– Ты нарочно! – обвиняла Ира.

– Не нарочно, – возразил Миша.

– Я все брату расскажу, он тебе врежет, – предупредила Ира.

– Да? А я отцу скажу, – парировал Миша. Это был серьезный аргумент.

– Ира, пошли, – предложила испуганная Наташа.

– Меня мамка убьет, если я приду мокрая, – сказала Ира. Она решительно стянула мокрое платице, и они стали его выжимать. Потом аккуратно расстелили платье сушиться на траве. Ира села рядом на корточки, вся дрожа.

– Дай куртку! – потребовала она у Горки. Он тут же снял и дал ей свою щегольскую синюю курточку. Она накрылась ею и постепенно согрелась.

– Тут ветер, – сказала Ира. – Когда ветер – рыба вглубь уходит, на дно ложится.

Вся компания потянулась дальше, еще выше по течению. Только Миша потерял интерес к рыбалке:

– Я домой пойду, – сказал он.

– Ну, ты чего? – сказал Шурик. – Ни одной рыбки не поймали.

– Мне мамка велела пораньше прийти, – оправдывался Миша. Он натянул на влажные ноги носки, надел и, сопя, застегнул сандалии, а затем, ни на кого не оглядываясь, решительно пошел по узкому овражку, примыкавшему к большому оврагу вверх.

– Ты куда? – позвал его Горка, – не в ту сторону!

– Он напрямки, – пояснил Шурик, – через поле ему ближе.

– Я тоже пойду, – робко предложил Горка, – мне тоже мамка велела пораньше...

– Ты предатель, – ответил Шурик резко.

– А Михя, что, не предатель? – недоуменно возразил Горка, больше всего ценивший справедливость. Он сам того не сознавая был прирожденный дипломат, готовый посмотреть на вопрос как с одной, так и с другой стороны.

– Ну, давай, хоть одну рыбку поймем, – смягчился Шурик, – держи корзину.

Горка в своих колготках не мог зайти в воду и держал корзину с берега. А снимать колготы – это была целая история. Но удержаться на суше было трудно. Сандалики скользили к воде, намокали и, наконец, намокли совсем. Но старания были не напрасны, в корзинку попал маленький окуnek с красными плавниками. Ира наполнила бидон водой и окунька пустили туда. Что и говорить, грусть и радость, как всегда, жили совсем рядом, заменяя одна другую с неумолимой быстротой.

– Потом отдашь, – сказал Шурик.

– Отдам, не бойся, – обещала Ира. Они прошли еще вверх по течению, тут в речку впадал другой ручей.

– Мы очень далеко зашли, – сказала Наташа. – Давайте дальше не пойдем.

– Дальше не надо, – сказал Толик. – Дальше Ведьмино место.

– Какое еще Ведьмино? – заинтересовался любознательный Горка.

– Вон там, на иве ведьма повесилась, – сказала Ира авторитетно. Все посмотрели в ту сторону.

– А что, разве бывают ведьмы? – спросил Горка, у которого папа был партийный, и носивший шляпу, пиджак и галстук, в отличие от других отцов, предпочитающих кепки и клетчатые рубахи.

– Раньше были, – пояснил Толик, – до революции.

– Спорим, я туда сбегая, и мне ничего не будет, – предложил Шурик. Не дожидаясь ответа, и не надевая сандалий, он босиком побежал к ивам. Все смотрели ему вслед. Добежав, он стал прыгать под деревьями. Горка тоже бросился за ним. Бежать по траве было весело. Под ивами, он увидел, что там трава там меньше и реже, чем на склонах оврагов. Они посмотрели назад, Ира с Наташей о чем-то говорили. Наташа явно хотела уйти, но Ира трогала свое мокрое платье. Они все трое не спеша пошли к ивам.

– Повесь свое платье на ветку, ветерок его обдует, оно быстро высохнет, – сказал Толик, когда они подошли. Ира, изловчившись, закинула мокрое платье на одном из корявых сучьев.

– Ну и где тут ведьма повесилась? – спросил Горка. Толик повертел головой, пожал плечами. Он сел, прислонившись спиной к иве, сорвал травинку и стал ее жевать. В этом месте речка протекала в низинке, в своеобразной траншее, глубиной метра два. Шурик отошел к склону, отвернулся, чуть приспустил спереди штаны и выпустил большую, дугообразную струю, блеснувшую на солнце. Девочки захихикали. Горка тоже встал на склон и попытался повторить подвиг Шурика, но такой большой мощной струи ему сделать не удалось.

Потом Шурик с Горкой тоже уселись у крайней ивы. Горке все время казалось, что на них кто-то внимательно смотрит. Он вертел головой, но кроме их детской компании никого вокруг не обнаружил.

У него были мокрые сандалики и колготки, когда он минуты три посидел на солнце, то увидел, как от его ног шел пар. Наблюдая за этим паром, он пошевелил ногами, свешенными над глинистым склоном, и его пятка наткнулась на что-то твердое под тоненьким крошащимся слоем глины. Он непроизвольно еще подвигал парящей ногой и расчистил что-то серое, округлое. Так он сидел и чистил пяткой выступающий предмет до тех пор, пока из-под земли не проступила его форма:

– Тут... черепушка, – предположил мальчик.

– Чего? Где? – Толик подошел, посмотрел, склонился и попробовал расчистить проступивший из сухой глины предмет рукой. Глина была довольно-таки твердая. Толик осмотревшись, схватил веточку, попробовал ковырять ею, но она тут же сломалась. Он поковырял другими ветками, которых много лежало на земле, поколотил землю пятаком.

– Это камень, – возразила Ира.

– Сама ты камень, – сказал Толик, – слышишь, какой звук. Он пустой.

Всем стало ясно, что из-под земли на них глядит мертвая голова. Ира решительно взяла свое немного подсохшее платице, надела его на себя:

– Пошли, Наташа, – сказала она, – наверное, дождь будет.

Горка посмотрел на небо. Из-под нависших над ними длинных ивовых ветвей небеса действительно казались словно бы темными.

– Надо его вытащить, – сказал упорный Шурик.

– Не надо ничего вытаскивать, – возразила Ира. – Мы пошли.

Толик с сожалением посмотрел на торчащий из земли предмет и сказал:

– Мне тоже надо к папке в «Сельхозтехнику».

Они все вместе пошли к оставленным на месте последней рыбалке вещам, к бидону с рыбкой, корзине и сандаликам Шурика. Горке по-прежнему казалось, что от ив кто-то смотрит ему в спину.

– На, возьми свой улов, – сказала Наташа, подойдя к бидону. Шурик засунул руку и взял засыпающую рыбку.

Они повернулись и пошли прочь. У того места, где в речку втекал ручей, дети разошлись: Толик с девочками пошли направо, а Горка с Шуриком – прямо.

Идти обратно было очень тяжело. Они садились на траву и подолгу отдыхали. Казалось, выше сил забраться на гору. Наконец, когда они забрались на самый верх оврага и сели, Шурик сказал:

– Зырь, как мы много прошли.

Сидя над оврагом можно было увидеть и дальний лес по правую руку, и слева большую реку, в которую впадала их маленькая речка, и церковную колокольню. Они встали и пошли к домам, Горке еще нужно было поливать огород.

Дома мама накормила его обедом. Потом она легла, поспала немного по своему обыкновению и пошла на работу. Горка взял бидон, наподобие того, что был у Иры с Наташей, и пошел поливать морковку, огурцы и все остальное в огороде. Для этого приходилось подойти к уличной колонке, набрать воды в бидончик, и нести в огород. Это было очень трудно, холодная вода выливалась, рука болела. Он по несколько раз останавливался, прежде чем доходил до огорода.

Сделав, что велели, мальчик вернулся к своему прерванному утром занятию. Он любил рисовать рыцарей, богатырей. Обычно Горка занимался этим на широком подоконнике. Там лежало все, оставленное утром: бумага, карандаши и мертвая муха, умершая то ли от голода и жажды, то ли от старости. Под бумагу он подкладывал книгу русских народных сказок, которую уже перечитал не однажды, она называлась «Сивка-бурка». И рисунки в ней ему очень нравились, путешествие по этим рисункам – стало его второй жизнью.

Время от времени он поглаживал на окно, на другой стороне неширокой улицы расселись на электрических проводах в рядок вороны.

Потом пришел с работы папка. Сегодня он был трезвый, а потому скучный. Папка включил по своему обыкновению радио, из которого рассказали, что СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. Что такое СССР Горка знал, а что такое Израиль – нет. Это радио папка принес с работы. Горке очень нравилось, что оно похоже на те круглые радиоприемники, которые показывали по телевизору в фильмах про войну. Мамку Горка в тот раз не дождался с работы, рано заснул.

Ночью он всех перепугал. Проснулся оттого, что ощутил себя горящим, объатым языками светлого пламени. Больно не было, просто очень страшно, оттого, что незнакомо, странно, чудно. Он проснулся и громко закричал:

– Я горю! – и вскочив с постели, побежал спасаться от пламени. Родители спали, они спросонья не сразу поняли, что к чему, потом стали успокаивать сына. Мама дала Горке воды, но он, зная себе, кричал: «Я горю, я горю!»

Вдобавок он увидел что-то совсем необычное. Он горел – не один. По комнате ходил еще один горящий силуэт, почему-то повторяющий его движения. Этот странный огненный человек то входил в Горку, то выходил из него. Мама с папой ничего этого не видели. Он понял, что от них помощи не дождешься и поэтому собрал всю свою волю с кулак и постарался не бояться. Вскоре виденье исчезло. Мальчик заснул.

Родители страшно перепугались ночному происшествию. Их сыночек ведь совсем недавно у них родился. Вот только-только...

Старый деревянный родильный дом постройки начала XX века с большими окнами находился неподалеку от шоссе – на самом въезде в их городок, почти на окраине. Было раннее утро, но врачи и роженицы всю старались. Перед тем произвела на свет дочь одна из рожениц, и санитарки еще не успели убрать и протереть, но маме уже приспичило, она полезла на окровавленный стол (еще не было специальных кресел) и приступила. Санитарки ругались на нее, она ни на кого не обращала внимания. Так, почти без посторонней помощи, в остатках оболочки на голове, «в шапочке», появился младенец, которому предстояло стать человеком. Этот ребенок родился, что называется, «в рубашке». Было шумно, бестолково...

Он частенько болел, и вот опять – какая-то напасть. Но на другой день Горка не помнил события прошлой ночи. Папка ему с улыбкой напомнил про это:

– Что ты увидел во сне?

Очень смутно мальчик припомнил, что с ним что-то стряслось, но только он не понял, что именно это было. Мама потом объяснила, что он просто «бредил». Такое бывает...

Когда наступила осень, Горка пошел в школу. Ему купили портфель, серый школьный костюм. К воротнику пиджака мама пришила широкий белый подворотничок. Они оказались с Шуриком и Михой в одном классе. А еще с ним учились знакомые девочки: черненькая Наташа и светленькая Ира. Но Горку посадили с другой, незнакомой девочкой. Они просидели весь первый урок, не шелохнувшись, положив руки перед собой одну на другую. Учительница оказалась строгая, звали ее Настасья Тихоновна.

Постепенно Горка немного осмелел, но, выбираясь из класса, уступчивый, мягкий мальчик, он ходил ближе к стеночке, потому что на перемене было страшно – шумно, старшие школьники летали по коридору как кони, и громко кричали. А он оставался самой безобидной птицей.

Как-то раз в школьном коридоре он встретил Толика. Тот был, в отличие от других, довольно тихий и оказался не такой уж большой, как на улице, средний. Он теперь перешел в четвертый класс, но, кроме четвероклассников, существовали еще пятиклассники, шести-, семи- и восьмиклассники. Вот кого надо было опасаться.

Однажды Горка увидел, как Толик отчаянно пытался драться с каким-то старшеклассником, выше его не голову. На лице у него не было при этом страха, а только какая-то отчаянная грусть. Он дрался решительно, но при этом как-то равнодушно, словно по неприятной обязанности. Потом его отчитал за эту драку директор, Александр Христофорович. Георгию до наказаний оставалось еще далеко, он не был агрессивным, не хотел ни с кем враждовать, ведь дружить гораздо лучше. По крайней мере, пока ты мелкий.

Но случались и приятные минуты, можно было купить пирожок с повидлом за три копейки. Или за пятак – с мясом. Шурик любил с мясом, а Горка предпочитал сладкий, с повидлом.

Зимой Толик куда-то исчез, пропал. Потом мама рассказала Горке, что он, оказывается, умер. Пошел по берегу замерзшей реки к своему отцу, который жил в соседнем городе, потому, что его родители развелись. Где-то на полпути Толик устал, присел отдохнуть и замерз.

После зимних каникул Оля, младшая сестра Толика, учившаяся с Горкой в одном классе и знакомая ему с младенчества, подробно рассказала: как Толик умер, где его искали, как нашли и хоронили. Однако все это казалось Горке какой-то выдумкой. Он был уверен, что однажды обязательно встретит Толика где-нибудь, на улице, на берегу или на тех же оврагах...

Глава 3. Начало

Все экзамены после восьмилетки он сдал на «хорошо», но на сочинении случился казус. Георгий почему-то решил взять темой не родную речь Пушкина с Лермонтовым, не Фадеева с Николаем Островским, а произведение англичанина Стивенсона. Горка недавно прочел рассказ этого писателя. Там речь шла о поэте, по совместительству воре и убийце французе Франсуа Вийоне. Горка оказался под впечатлением. Однако тема такого сочинения не понравилась учителям, руководству школы. Но троечку Горке кое-как поставили.

Отец его немного пожурил. Объяснил, что стараний Горки в школе не поняли, порыва не оценили, назвали почему-то его сочинение «антисоветским».

– Что там антисоветского? – не понял Горка.

Отец только пожал плечами и развел руками, дескать, ты уже большой, сам должен понимать. Горка действительно вырос большой, ростом с отца. Иногда, когда папка приходил домой навеселе, они с ним боролись. Причем Горка даже не понимал в шутку или всерьез они борются? Как правило, он выходил победителем. Ему это никакой радости не доставляло, и еще он не понимал – то ли рад отец, что уступает сыну в выносливости, то ли нет? Отец вообще был необычный человек. Он, особенно, будучи выпивши, делал все весело, одновременно и в шутку, и всерьез...

Что касается тройки за сочинение, то, видимо учителя решили подобным образом охарактеризовать его выбор на том простом основании, что раз его сочинение не было написано по произведениям русских-советских писателей, то значит, оно было антисоветским?

Но, как бы то ни было, он закончил восьмой класс, и мама велела поступать в геодезический техникум, который располагался в их городке:

– Там хоть стипендию платят, – сказала она.

Однако Горка любил рисовать и хотел поступить в художественное училище. Мама не возражала, хотя и сомневалась, – ей не хотелось, чтобы ее старший всю жизнь «дышал красками». Горка все-таки решил попробовать. Он купил в магазине «Культтовары» каких-то акварельных красок, ватман и поехал поступать. Предстояло сдать такие предметы: живопись, графику и композицию. На каждый давалось шесть часов.

Ему очень понравилось в художественном училище, которое располагалось в старинном, сводчатом помещении бывшей церкви. Ему пришлось по вкусу публика. Когда он сдавал документы, стал свидетелем разговора преподавательницы с каким-то бородатым студентом. Речь шла о картинах, написанных этим молодым, по виду очень самоуверенным художником. В них тоже, как и в школьном сочинении Горки, неизвестные знатоки живописи обнаружили какую-то антисоветчину...

Начались вступительные экзамены. Горка вставал рано-рано и ехал на автобусе №101 в областной город. Там он шел в училище и рисовал. Рисовал, смотрел, как рисуют другие. Все это делали либо очень хорошо, либо прекрасно. Оказывается, большинство юных рисовальщиков – были выпускники детских художественных школ. А Горка в первый раз взял в руки кисть. До этого он рисовал только карандашами и лепил из пластилина. Но и у него, как ему казалось, получалось совсем неплохо.

На второй день, во время перерыва он познакомился с другим таким же, как он, абитуриентом. Они разговорились. Нового знакомого звали Эдиком. Узнав, что Горка не местный, приезжает на экзамены на автобусе, тот позвал его к себе. Хотя сам тоже был не совсем городской, жил в пригороде за рекой, он ездил домой на пароме.

Горка согласился, и после экзамена они на неторопливой переправе двинулись через широкую спокойную реку. На другом берегу идти оказалось довольно-таки далеко. Пока они

брели по песчаным дюнам, Эдик сообщил, что они с друзьями любят здесь шугать под кустами парочки взрослых, которые ищут уединения.

– Они такие толстые, смешные, выглядят глупо. Если их обнаруживают, они делают вид, что ничего особенного не происходит, – рассказал Эдик.

– А сам-то ты этим занимался? – спросил Горка.

– Не-е... Мне это не нравится, – ответил Эдик.

А Георгий не знал пока, нравится это ему самому или нет? У него не было подружки, и он даже не понимал, хочется ли ему ее иметь – какую-то конкретно. Совершенно точно, что его тянуло к красивым девочкам вообще, но они были такие гордые и дерзкие...

Когда они пришли к мишиному дому, их встретила его молодая, красивая мать. Она тут же дала им с Эдиком поручение сходить с ведрами за водой. Когда они принесли воду, Горке очень захотелось уйти. Он почувствовал себя в этой семье не очень уютно.

– Поеду я домой, – сказал Горка. Эдик его рассудительно отговаривал:

– Ты уже ни на автобус, ни на речной трамвайчик не успеаешь.

Но Горка попрощался и ушел. Очень скоро он понял, что поступил глупо. Транспорт в восемь часов вечера действительно уже никуда не ходил. Но было лето, Горка не особенно расстроился. Он пошел в кино на последний сеанс и посмотрел французский фильм «Повторный брак» с актером Бельмондо. После сеанса он вернулся в родной XX век из легкого, блистательного XIX-го, на летнюю пристань, нашел в переполненном зале ожидания свободное место на жестком полу и кое-как провел там ночь.

Не выспавшийся, но все равно бодрый он рано утром пошел на последний экзамен по композиции. Стал что-то рисовать «по представлению». Первым сдал свой рисунок, и, купив мороженого, сел в рейсовый автобус, чтобы ехать домой. Видимо из-за того, что он целые сутки ничего не ел, кроме мороженого, его стало мутить. Он выкинул недоеденную порцию в открытое окно.

Дома мама была рада его увидеть живым и здоровым. Родители предполагали, что он не захотел возвращаться, чтобы не мотаться туда-сюда. Горка рассказал им, что ночевал на пристани.

Спустя пару дней Горка опять поехал в училище, узнавать результаты экзаменов. К сожалению, на вывешенных на стене больших листах по всем предметам у него значились двойки. Художника из него не получилось. Пришлось идти в геодезисты.

Он забрал документы из училища и отнес их в геодезический техникум, о котором говорила мама. Горка не потерял присутствия духа, не стал ковырять тему «счастлив он или нет». Душевное спокойствие не зависит не столько от внешних причин, сколько от отношения к ним. А он не привык получать от жизни очень уж щедрые подарки. Самым главным подарком была она сама. Опять были экзамены, но на этот раз его с двумя тройками и четверкой его приняли на учебу.

На первом построении новых учащихся, в самом конце августа Горка познакомился с улыбчивым русоволосым парнем Борькой. Они выкурили по сигарете «Тракай», Горка купил пачку этих болгарских сигарет в ларьке «Союзпечати» неподалеку. Пока они весело дымили, их застукал строгий преподаватель и, выведя вперед, перед строем, велел назвать свои фамилии.

«Ну, все пропало, – подумал Горка. – В училище не поступил, сейчас из техникума выгонят».

Но горкина фамилия преподавателя заинтересовала. Он спросил:

– Не сын ли ты Петра Михайловича?

– Сын, – подтвердил Горка, кивнув.

– У такого отца такой сын! – строго сказал преподаватель.

Потом их отправили в строй. У геодезистов все оказалось строго, по-военному. Но на этом демонстративном порицании все кончилось. Курение на линейке никакими административными выводами ни для Борьки, ни для Горки не обернулось.

Они с новым товарищем попали в одну группу. Началась учеба. Примерно то же, что и в школе, но за это еще платили стипендию двадцать рублей. Получив первую сумму, Горка всю ее отдал маме. Она была довольна.

Кроме школьных предметов были, еще специальные. А также геодезическая практика. Осенью они пошли на полигон, учиться работать с вешками и буссолью – занятие, требующее внимания и аккуратности. Полигон располагался за коллективным садом, неподалеку от пруда. Метрах в пятистах от него, на другом берегу речки, стояли знакомые Горке ивы. В свободную минуту он рассказал своим новым знакомым, в том числе и Борьке, что под одной из ив – человеческие кости. Борька не поверил.

– Пошли, посмотрим, – предложил Горка.

Когда занятия кончились, парни и девушки направились в общежитие, – все, кроме Горки, в его группе были иногородние, а они с Борькой пошли к ивам. Горка помнил, где примерно из земли торчал округлый предмет, но прошло много времени с тех пор, как он его видел, природа совершила несколько годичных циклов, появлялась и жухла трава, выпадал снег, шли дожди. Он не сразу нашел то место. Походил, пошарил по сухой траве. Место было то и не то: старые ветлы доживали свой век, речка заросла осокой. Повертев головой и попинав выступ берега, Горка, наконец, наткнулся на потерю:

– Да вот же он!

Борька вытащил из кармана перочинный нож и, повозившись, выковырял им из глины серый округлый предмет. Это действительно был, самый что ни на есть настоящий, человеческий череп. Боря долго сопел, тащил череп из рыжеватой сухой глины.

– Надо его в общагу отнести, девчонок попугать, – предложил Борька деловито. Он извлек находку наружу, но – без нижней челюсти. Ковырять еще ему уже было неохота.

– Ну что, пошли к нам в общагу? – предложил он.

– Я домой, – ответил Горка.

Борька пожал ему на прощанье руку и зашагал прочь. Георгий остался один. Он намеревался подняться по склону оврага и идти домой, напрямую по стерне, он хаживал здесь много раз, в том числе зимой на лыжах, но ему вдруг почему-то показалось, что забираться по этому склону – очень тяжело. Он действительно утомился ходить несколько часов по продуваемому ветром полигону с буссолью в руках. К тому же, ветер усилился. Горка решил немного, самую малость, посидеть, отдохнуть. Подойдя к старой дуплистому иве, от которой осталась только внешняя часть с корой, Георгий шагнул внутрь старого дерева и присел там, прислонившись спиной к внутренней поверхности. В дуплище было потеплее, он закрыл глаза и вскоре словно бы задремал.

В этом полусне он увидел шагающего по оврагу по направлению к городу Борю. Тот нес под полым пиджаком череп. Георгий видел его спину очень отчетливо, словно в бинокль. Боря почувствовав, что на него смотрят, оглянулся, но он отошел уже далеко от того места где они расстались и сам ничего не увидел. Зато Горка видел его прекрасно, причем он вроде бы поднялся высоко, метров на тридцать-пятьдесят над деревьями. Он висел над землей с закрытыми глазами и при этом – все различал. Буквально все видел и все знал: про Борьку, про ивы, про все вокруг. Так, например, он понял почему-то, что у Бори был брат, и он умер. Его родители взяли в семью приемную девочку, она стала Боре сестрой.

Горка решил открыть глаза, и он словно бы увидел сон во сне – такое случается. Посмотрев вниз, он убедился, что висит над землей, над редкими желтеющими листьями ив. И при этом он был совершенно голый – босые пальцы шевелились над узенькими листьями ив. Обнаружить эту свою наготу было не менее странно, чем подняться в воздух.

«Что это? Почему?» – он хотел каких-то объяснений, ему необходимо было либо понять ситуацию, либо хотя бы как-то изменить ее.

Словно в ответ на это желание – виденье изменилось. Горка почувствовал, что он теперь одет, обут и идет по траве мимо речки – этой самой речки и мимо этих же склонов оврага. Он смотрел на землю под своими ногами, обутыми в высокие черные сапоги и отчетливо себя нового ощутил.

И ощущения эти – были незнакомыми. На нем были надеты широкие, заправленные в сапоги темные брюки, такой же пиджак, на голове что-то вроде кепки или точнее фуражки с черным лакированным козырьком. Он время от времени ее поправлял, шагая по едва заметной в густой высокой траве тропинке по направлению к какому-то небольшому забору, за которым находился бревенчатый сарай. Ничего этого тут не должно было быть. При этом Горка понимал, что ему не туда, не к забору, а еще дальше, намного дальше. Он почему-то понял, что уже ходил тут мимо этого забора далее через лес в деревню.

Тут у него очень запершило в горле, он сильно закашлял. Кашлял долго, потом сплюнул. Слюна была красная. Нужно было отдохнуть отдышаться.

«Зайти внутрь? – подумал он. – Но там никого нет».

Он почему-то вспомнил, как строили мельницу, как делали запруды.

Но тут у него опять начался кашель. Он присел, прислонившись к забору. Кашлял долго, начал задыхаться. Испугался. А испугавшись – словно бы проснулся, продолжая при этом кашлять.

Георгий обнаружил, что уже стемнело, а он – стоит на четвереньках на земле, кашляет и при этом – он совершенно голый. Его кашель тут же мгновенно прошел, но ему стало зябко. Ветер стих, было темно, как может быть темно в безлунную ночь, когда не видно звезд. Он поднялся на ноги и огляделся. Георгий находился рядом со старым дуплистым деревом, буквально в двух шагах. Подойдя туда, он пошарил в темноте рукой – в дупле лежала его одежда.

Он, порывшись, вытащил из кармана брюк спички, чиркнул, осветил дупло. Увидел свою черную куртку из кожаного материала, брюки, кеды, а в них – носки. Горка лихорадочно оделся и побежал вверх по склону холма.

– Где ты был? – спросила мать сонным голосом, когда он пришел домой и толкнул незапертую дверь.

– В общежитии, – соврал Горка. Он совсем не умел врать, но тут пришлось. Раздевшись и достав из дивана свою постель, он лег. Было уже пять часов утра. Он пролежал пару часов в полном недоумении – спать совершенно не хотелось. Потом, когда нужно было собираться на занятия, встал, сделал себе кофе, намазал на хлеб масла, положил сверху кусочек сыра. Банку растворимого порошкового кофе где-то раздобыл подросток и шустрый брат Геня. Но, ни сам он, и никто в их семье кроме Горки этот кофе не пил. А ему – очень нравилось по утрам сделать себе кофе, бутерброд с маслом и сыром.

На занятиях он встретил Борю, спросил:

– Как все прошло?

Тот со смехом рассказал, что было весело. Они с другими парнем из их группы Вадиком устроили целое представление.

– А где черепок? – спросил Георгий.

– Выкинул, – махнул рукой Боря.

– Скажи, у тебя есть сестра? – спросил Георгий.

– Есть, – ответил Боря. – Только не родная. А почему ты спрашиваешь?

– Так просто... – ответил Георгий.

Наступила зима. Горку включили в лыжную команду техникума. Он стал участвовать в соревнованиях. Мама купила ему лыжный костюм. Но никаких успехов в лыжных гонках он не достиг.

Тем не менее, от его спортивной активности была небольшая польза. Учитель физкультуры дал ему старые, списанные лыжные ботинки с инвентарным номером. Теперь было в чем кататься на лыжах. К этим ботинкам Горка прикупил хорошие лыжи в спортивном магазине, благо стипендию ему платили.

Возвращаясь с лыжных соревнований домой, он пробежал на лыжах мимо знакомого места, но к ивам уже не подходил. Он смотрел туда, и, напрягая зрение, даже в яркий день был способен увидеть что-то над деревьями – странное невидимое облако, о существовании которого, похоже, догадывался только он. Ему хотелось туда, его тянуло к облаку. Но он сдерживался, помня, что приключилось осенью. Если бы это повторилось зимой, и он остался бы голый, то непременно обморозился бы. Впрочем, было ли все это, не померещилось ли?

К весне он успешно сдал экзамен после первого курса. Заниматься приходилось старательнее, чем в школе. Но оно того стоило, платили стипендию. Сначала простую, потом повышенную. На каникулах мама съездила в областной город и привезла Горке подарок – гоночный велосипед, о котором он давно мечтал. Он был страшно рад. Весь день он думал: «Привезет его мама или нет?» И вот увидел ее, идущую по тропинке к их дому и толкающую за руль велосипед.

Он выбежал на улицу, встречая ее, и стал ей помогать, взял велосипед. Горка тут же подкачал узкие шины и поехал опробовать велик, у которого было несколько скоростей, и, конечно же, он не шел ни в какое сравнение с обычными велосипедами «Урал» или «Днепр». Это был полугоночный «Турист».

На нем он стал колесить по окрестностям. Вскоре поехал в соседний город химиков. Как-то раз, по дороге он встретил ватагу тренирующихся мальчишек-велогонщиков его возраста, и познакомился с ними. Оказалось, что они из велосипедной секции, располагавшейся в подвале жилого дома. Он стал туда наведываться, поскольку в его родном городке никаких спортивных секций не было. Но еще одного любителя велосипедных прогулок он нашел, точнее он сам к Горке подкатил на своем велосипеде с изогнутым рулем. Его тоже звали Мишкой – распространенное имя. Они стали крутить педали вместе.

Они на пару ездили на соревнования, но оба с позором провалились – их сняли с дистанции. Вернулись в город усталыми, но все равно довольными. Страшно голодными. Последние километры они ехали и разговаривали только про еду. Вернувшись домой, Горка опустошил на ужин две тарелки маминого супа.

Он старательно учился, получал свою повышенную стипендию, которую отдавал матери, мама была довольна. Но ему все больше хотелось попасть к ивам. Посмотреть, что там?

И вот однажды, опять в самом начале осени, когда стояли теплые денечки, Горка в выходные собрался покататься. Он экипировался, как положено: надел спортивные короткие штаны, которые сделал сам из старых гамаш братика, модные кроссовки, которые привезла из Москвы мама, на голову натянул яркую трехцветную шапочку с козырьком, которую ему тоже сшила мама, он видел такие по телевизору и точно такие же были у парней с секции. Вытащив из сарая велосипед, Георгий покатыл по проселочной дороге в сторону оврага.

Примерно на полпути он запыхался, и к тому же вспомнил то, что с ним случилось прошлой осенью. Он остановился и оглянулся назад. Их дом, стоящий на самом краю поля, был уже далеко. Еще дальше виднелся лес на другом берегу реки. Георгий снова посмотрел вперед, преодолевая сомнения, сел в седло и нажал на педали.

Пологий подъем по полю закончился, начался такой же пологий, почти незаметный спуск к оврагу. По стерне бегали и чирикали птицы. Потом стерня сменилась травой, местами высокой в тех местах, где в поле выливали нечистоты. «Очистные сооружения», возникшие недавно тут, на окраине города, представляли собой валы, сделанные с помощью бульдозера, но уже заросшие травой – сюда приезжали ассенизаторские машины и выливали содержимое своих цистерн. Когда это все происходило, Георгий не видел, довольно редко.

Он подъехал к краю оврага и внизу, в ложбине, увидел знакомые ивы, стоящие полукругом у речки. Небо над ними было по виду совершенно прозрачным – как повсюду. Георгий положил велосипед на траву, сел рядом, осматривая знакомые окрестности. Когда он улавливал боковым зрением то, что было над ивами, он понимал, что и дневное небо над деревьями чем-то отличалось от остального небосклона. Чем именно? Заниматься разгадыванием этой загадки было трудно, если вообще возможно.

День был спокойный, теплый, можно было ничего не разгадывая, попробовать повторить, то, что случилось прошлой осенью. Ведь в тот раз – ничего плохого не произошло. Так, какая-то нелепость, о которой никто не узнал – он оказался вдруг голым. Но тут место пустынное, народу никого. Подумав так, он сел на велосипед и скатился по склону по направлению к ивам. Подъехав к ним вплотную, он прислонил велосипед к дереву, снял пеструю шапочку, велосипедные перчатки без пальцев, которые он приобрел в спортивном магазине, поместил все это на руль. Потом – разулся и босиком забрался внутрь дерева.

Он просидел там довольно долго, но ничего не происходило. Он закрывал и открывал глаза, пытался сосредоточиться, но безрезультатно. Постепенно он забыл, зачем он тут и в голове стали крутиться разные мысли. Он, например, вспомнил фильм, который недавно посмотрел в кинотеатре, «Миллион лет до нашей эры».

Ему пришло в голову: «А каким могло бы быть это место миллион лет назад?» И сразу же поплыли перед его внутренним взором какие-то яркие, но отрывистые образы. Он попытался понять, что это, но вдруг – очутился в некоем помещении, наподобие ресторана или кафе. И опять – голый. Тут было довольно много народа, но на него никто не обращал никакого внимания. Когда он понял, что его попросту никто не видит, ему стало спокойнее.

Но было непонятно, куда он попал и почему он здесь? Его заинтересовал какой-то бородатый мужчина, сидевший за столиком, на котором стояла чашка кофе, и лежали разложенные бумаги. И этот мужчина опять ввел его в ступор, потому что вдруг поднял глаза от своих бумаг и в упор посмотрел на Георгия. Посмотрел недовольно и осуждающе. Георгию даже показалось, что он окинул его с головы до ног недовольным, сердитым взглядом.

Его первым желанием было – провалиться сквозь землю, улететь, куда глаза глядят, и это желание тут же осуществилось. Он оказался на улице, но на этот раз на очень знакомой улице, на набережной его родного города, рядом с балконом дома, с которого когда-то, вскоре после Великой Октябрьской Социалистической Революции выступала Надежда Константиновна Крупская, видная деятельница революционного движения, и жена «вождя мирового пролетариата». Сейчас это было здание техникума, в котором проходила по будним дням его учеба.

Он осмотрелся. Мимо текла широкая река, он висел в метрах трех-четырёх над пыльным асфальтом. Его по-прежнему никто не видел, по крайней мере, никто не кричал и не показывал на него пальцами. Но вечно это продолжаться не могло, нужно было возвращаться к тому месту, где оставался его велосипед и одежда. Георгий повернулся и постарался двинуться в ту сторону, где в большую реку впадала небольшая речка, выше по течению которой располагались ивы. Ведь там, у этих ив он оставил свой велосипед, и там оставалась его одежда.

У него получилось – он медленно двинулся в ту сторону. Перелетев улицу, он довольно быстро поплыл над землей, словно невидимый воздушный шар, который кто-то тащит на невидимой же веревочке. Так он достиг устья речки и двинулся налево вдоль нее.

Речка протекала по территории завода. Тут ходили рабочие, но Георгия по-прежнему никто не замечал. Он подлетел к краю заводской территории, которую ограничивал высокий деревянный забор. За ним располагался дощатый мост, по которому Георгий много раз проходил овраг и текущую по нему речку. Перелетев через этот мост, он двинулся дальше и вскоре попал к другому мосту, уже бревенчатому. По нему изредка проезжали машины, но сейчас тут было пусто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.